

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ЦЕРКОВНЫМ ПРАВОМ

Статья посвящена проблеме взаимодействия уголовного и процессуального права с церковным правом в Российской империи, актуальность которой определяется процессом возрождения церковных судов в современной России. На основании многочисленных источников, в том числе материалов Российского государственного исторического архива, автор выделяет основные этапы взаимодействия уголовного и церковного права, показывает место религиозных преступлений в общей системе преступлений, раскрывает вопрос о влиянии церковного права на цели наказания, а также анализирует судебную практику по религиозным вопросам.

Сегодня наблюдается значительный интерес к церковным проблемам, в том числе и к церковному праву. Так, например, в 2000 году Архиерейский собор принял решение о воссоздании системы церковных судов. В 2004 году была образована историко-правовая комиссия Русской Православной Церкви, на которую была возложена задача разработать Положение о церковном суде¹. Однако, как справедливо отмечают современные исследователи, «не многие знают, что это такое»². Обращение к до-революционному уголовному и церковно-процессуальному праву может раскрыть отчасти принципы церковного судопроизводства и устройства и ответить на вопрос: нужны ли церковные суды в настоящий период в России.

В XIX веке, когда шел процесс создания системы российского права, церковное право, регулировавшее вопросы заключения и расторжения браков, крещения детей, школьного обучения, замещения многих должностей и т. д., заняло особое место.

Постепенно стали определяться взаимосвязь церковного права с другими юридическими науками, в том числе с уголовным и процессуальным правом, место церковного права в системе права Российской империи.

Изучение взаимодействия уголовного и церковного права Российской империи позволяет выделить два этапа.

Первый этап — XVII — конец XIX века — характеризовался серьезным влиянием церковных канонов на развитие

уголовного права. Именно церковным правом было определено значительное количество преступных деяний. Как отмечал известный специалист в области церковного права профессор М. Е. Красножен, «...в России Православная Церковь с самого начала своего появления получила в свое ведение чрезвычайно много уголовных дел разного рода: 1) преступления против веры и церкви, 2) преступления против семейного союза, 3) преступления против целомудрия, 4) некоторые случаи смертоубийства..., если убитым являлось лицо бесправное, стоявшее под покровительством церкви, 5) личные обиды, совершенные в кругу семейного союза или против женщин, или обиды, нанесенные способом особо позорным»³. Причем неважно, кем были совершены преступления — духовными лицами или мирянами.

В светском источнике впервые религиозные преступления были помещены в первой главе Соборного уложения 1649 года «О богохульниках и церковных мятежниках»⁴. Кроме того, и в других главах, например, в XXII, встречались упоминания о преступлениях такого рода.

При составлении Свода законов Российской империи все религиозные преступления были отнесены ко второму разделу первой книги XV тома «О преступлениях против веры». Этот раздел состоял из следующих глав: 1) о богохулении и порицании веры; 2) об отступлении и отвлечении от веры; 3) о наказаниях за ереси и расколы; 4) о подложном проявлении чудес, лжепредсказаниях, колдовстве и чародействе; 5) о нарушении благочиния в церквях, притом учиненное а) мирянами и б) духовными лицами; 6) о святотатстве (похищении церковных вещей и денег, разрытии могил и ограблении мертвых тел).

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года система Сво-

да законов относительно религиозных преступлений была сохранена. В результате в Уложении 1845 года раздел второй «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих веру оную постановлений» (первый раздел был посвящен общему понятию преступлений, проступков и наказаний, третий раздел — государственным преступлениям) был разбит на пять глав: о богохулении и порицании веры (статьи 182–189), об отступлении от веры и постановлений Церкви (об отвлечении и отступлении от веры (статьи 190–205), о ересах и расколах (статьи 206–217), об уклонении от исполнения постановлений Церкви (статьи 218–222), о святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел, о лжеприсяге⁵.

Необходимо отметить, что количество дел о религиозных преступлениях во второй половине XIX века постоянно возрастало. С. В. Познышевым были изучены материалы петербургского, московского, одесского, харьковского, саратовского и казанского судебных округов за 20 лет (с 1874 по 1893 год), на основании которых ему удалось выявить определенную статистику (см. табл.)⁶.

Несмотря на рост числа религиозных преступлений, долгое время специальных работ, посвященных их изучению, не было. Так, доктор уголовного права Н. Д. Сергеевский (1849–1908) писал, что «особое настроение многих писателей-юристов XIX столетия ... побуждало их умалывать во что бы то ни стало значение религиозного момента в праве вообще и в уголовном праве в частности... Писатели как бы игнорировали, что религиозные убеждения граждан представляют собой, может быть, самую могучую из духовных сил, движущих человеком, притом силу всепроникающую, не только господствующую в сфере внутренних движений человека, но и

управляющую в значительной степени его внешней деятельностью, его отношениями к ближним, к обществу и даже к государству»⁷.

Год	Количество дел по религиозным преступлениям у судебных следователей
1874	310
1875	365
1876	328
1877	307
1878	269
1879	319
1880	403
1881	386
1882	400
1883	381
1884	451
1885	475
1886	490
1887	484
1888	537
1889	663
1890	805
1891	921
1892	1141
1893	1218

Действительно, например, в книгах признанного авторитета в сфере уголовного права И. Я. Фойницкого, написанных во второй половине XIX века, о религиозных преступлениях и наказаниях практически ничего не говорится⁸. И когда в 1886 году на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета Л. С. Белогриц-Котляревский (1855–1908) защищал докторскую диссертацию «Преступления против религии в важнейших государствах Запада: историко-догматическое исследование», ему пришлось признать, что «вопрос о преступлениях против религии принадлежит к числу наименее разработанных в особенной части уголовного права не только у нас, но и в западно-европейской юридической литературе»⁹.

Анализ природы религиозных преступлений, закрепленных в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, был предпринят профессором уголовного права Санкт-Петербургского университета Н. С. Таганцевым. В своих лекциях он пришел к следующему выводу: «Наиболее старинным воззрением на сущность этих преступлений является воззрение еврейского законодательства. Основная черта его исходит из отождествлений понятий преступления и греха... Эти начала нашли себе выражение и в законодательстве первых христианских императоров, и в каноническом праве, а затем отразились на светском законодательстве и более поздних времен. Таким образом, в основе этого воззрения лежат уже два источника: ...Пятикнижие Моисея и Евангелие...»¹⁰.

Далее Н. С. Таганцев разобрал религиозные преступления, выводимые из этих источников.

Согласно первой заповеди — «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим», — определяется первая группа религиозных преступлений — отпадение от веры. Виновный в нем посягает на основную святыню и должен подлежать смерти «со всем племенем своим».

Подобной ответственности подвергается наряду с отступившим и его соавратитель. Таким образом, определяется вторая группа религиозных преступлений — соращение из православия.

Второй заповедью, запрещающей создавать себе кумира и выражать ему поклонение внешним образом, к религиозным преступлениям были отнесены «суеверные» преступления: колдовство, чародейство и любые попытки обращения к помощи дьявола.

Заповедью о «дне субботнем» верующим было предписано соблюдение внешних обрядов, ритуала. Неисполнение установленных культов и догматов рассматривались как ересь и смута.

Следующую категорию религиозных преступлений составила хула на Бога, на религию и ее учение, а также на предметы религиозного почитания и уважения. Об этом говорится в книге Левит: «Кто будет злословить Богу моему, тот понесет грех свой, и кто хуленно произнесет Имя Всевышнего, да умрет, да побьют его камнями».

Согласно заповеди — *«Не приемли Имени Господа Бога твоего всуе»*, — к религиозным преступлениям относились: простое упоминание Божьего имени всуе, божба, клятвопреступление, лжеприсяга.

Практически за все эти преступления назначалась смертная казнь.

Подводя итог изучению преступлений по религиозным источникам, Н. С. Таганцев пришел к следующему выводу: «...отправная точка Уложения о наказаниях на существо религиозных посягательств — каноническая... Составители Уложения о наказаниях в каждой отдельной категории религиозных посягательств внесли целый ряд частных случаев, введя излишнюю конкретность в изложении, благодаря чему в этом разделе, вместо тридцати семи статей, бывших в Своде, оказалась восемьдесят одна статья (176–240)»¹¹.

Как отмечал А. Ф. Кистяковский, «всякому криминалисту и даже всякому образованному человеку ведомо, что общая постановка преступлений против веры в Уложении о наказаниях принадлежит к самым несовершенным и отсталым отделам нашего законодательства»¹². Он подсчитал, что, кроме того, что в редакции Уложения о наказаниях 1866 года осталось 65 статей о преступлениях

против веры, две статьи содержались в Уложении о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (35 и 36-я статьи) и 135 статей — в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений (с 3 по 138)¹³.

Серьезное влияние церковное право оказало и на систему наказаний.

Во-первых, церковное право способствовало постепенной трансформации цели наказания от устрашения к перевоспитанию преступника. Говоря о целях церковных наказаний, исследователи церковного права обычно обращались к главе XVIII Евангелия от Матфея: «Если согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобой и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата своего; если же не послушает тебя брат твой, возьми с собой еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви, а если и церковь не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь» (ст. 15–17). Приват-доцент Императорского Московского университета С. В. Познышев в своей работе об уголовных наказаниях писал: «Принцип возмездия, в котором большинство... видит одно из руководящих начал карательной деятельности, решительно противоречит Евангельским заповедям... Нельзя утверждать на религиозных основаниях и законность наказания как необходимого средства предупреждения преступлений. Предупреждение преступлений представляет собой задачу, обязанность осуществления которой покаяется вовсе не на религиозных основах»¹⁴.

Как отмечал известный специалист в области церковного права Н. С. Суворов, выделялось три цели церковных наказаний: 1) исправление преступника, 2) благо целей церкви — «продолжать совершенное Христом дело искупления,

---

через усвоение его заслуг каждым верующим, вести человека к возможному на земле нравственному совершенству и воспитывать его для вечности»¹⁵, 3) поддержание и охрана чести церкви по отношению к не принадлежащим к ней¹⁶. М. Е. Красножен писал, что цели церковных наказаний имеют особенности. Во-первых, в данном случае цель наказания состоит не в возмездии за вину, а в примирении человеческой воли с законом Божиим и в исправлении виновного. Таким образом, церковным наказаниям не должен был быть присущ насильственный, материально-принудительный характер. Во-вторых, церковные наказания могут назначаться только духовной властью. В-третьих, карательная юрисдикция церкви может распространяться лишь на ее членов¹⁷, так как церковные наказания — это лишение благ и прав, раздаваемых церковью (участия в общественных богослужениях, в молитвах, в таинствах, в церковно-приходских делах, преимущественного положения клира в обществе).

Именно наличие церковных наказаний позволило не распространять уголовную ответственность на совершивших невинные деяния. В частности, в Российском государственном историческом архиве, в фонде Канцелярии Святейшего Синода, хранятся дела о рапортах местных епископов: рапорты Павла, архиепископа Тверского и Кашинского 1803 года, о наложении церковного покаяния на дворового человека Антона Семенова «за нечаянное им задавление во время проезда на лошади» малолетнего крестьянина Федора Иванова и на крестьянского сына Василия Аксенова за неумышленное убийство из ружья крестьянина Федора Яковлева и т. д.¹⁸.

Во-вторых, церковные наказания активно использовались государством. К церковным наказаниям относились: от-

лучение, церковное покаяние, лишение церковного погребения и другие.

В пункте 16 Духовного регламента, посвященном делам епископов, было дано учение о церковном отлучении: «аще кто явственно хулит имя Божие, или Священное Писание, или Церковь, или явно грешник есть, не стыдясь дела своего, но и паче чем чванятся, или без правильной вины покаяние и св. евхаристию больше года не приемлет, или что-либо иное творит с явным законом Божьего надругательством и посмеянием, таковой по повторенном наказании, упрям и горд пребыв, достоин судится толикой казнью. Ибо не просто за грех подлежит анафеме, но за явное и гордое презрение суда Божия и власти церковной с великим соблазном немощных братий, и что тако воню безбожия издает от себя».

Духовный регламент предусматривал следующую процедуру отлучения:

- епископ посылает духовника «выговорить» грешнику его вину с глазу на глаз,

- епископ зовет грешника к себе и повторяет ему наставление в присутствии лишь одного духовника,

- епископ поручает протодиакону в праздничный день в церкви известить народ: «Человек, ведомый вам (имя) таковым-то явногрешием именно соблазняет церковь и презорник гнева Божия является, и наставление пастырское, не единожды ему повторенное, с ругательством отметнул; того ради пастырь ваш (имя) молит вашу любовь отечески, да все помолитесь о нем благоутробному Богу, да умягчит его жесткосердие, и да сердце чисто сотворит в нем и преклонит его в нем и преклонит его к покаянию. А которые ближайшие имеют с ним сообщение, увещайте его и умаляйте и единолично всяк и прочие совокупно со всяким усердием, да принесет по-

---

каяние, и доложите ему, что еще не исправлен и презорлив будет до такого времени (называется): то подпадет низвержению от Церкви»¹⁹,

– если опять грешник не раскаялся, епископ должен был сообщить обо всем Святейшему Синоду и предать виновного анафеме.

При этом в Духовном регламенте различались анафема и «малое отлучение»: за удаление от церковного пения, нанесения обиды честному лицу грешника могли отлучить от общения с правоверными в общих молитвах, запретить ему входить в храм и причащаться.

Как отмечал Н. С. Суворов, отлучение от церкви и анафема в России практически тождественны:

«1) у нас анафема ... имеет применение только к определенной категории лиц: к еретикам, к обидящим церковь Божию..., к лицам, действовавшим в ущерб интересам московской политики,

2) ... анафема ... предполагала специальный судебный акт, тогда как отлучение могло быть фактическим, недопущение в церковь, например,

3) имена преданных анафеме нередко вносились в синодик для провозглашения над виновными проклятия во время богослужения, преимущественно в неделю православия»²⁰.

Однако Духовный регламент по данному вопросу больше остался теоретическим документом. В основном, отлучение от церкви практиковалось на древних началах: отлучение осуществляли архиереи или простые священники за обиды, нанесенные Церкви или причту.

В XIX веке отлучение от церкви как вид наказаний практически не применялось. Новый всплеск интереса к этому наказанию начался в начале XX века в связи с отлучением Л. Н. Толстого.

Церковное покаяние, наоборот, очень широко использовалось.

Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, церковное покаяние назначалось в следующих случаях:

1) если статьи Уложения не содержали уголовной санкции, ограничиваясь отсылкой виновных к церковному суду: уклонение от исполнения уставов Церкви со стороны новообращенных в православную веру и приверженность их каким-либо иноверческим обычаям (статья 207), уклонение от исповеди или причащения по нерадению или небрежению (статья 208), неприведение родителями к исповеди своих детей (статья 209), неправильное лечение, в результате которого был нанесен тяжкий вред здоровью или смерть (статья 870), противозаконное сожительство неженатого мужчины с незамужней женщиной (статья 994), оставление погибающего без помощи (статьи 1228, 1521), случайное причинение смерти человеку (статья 1470), покушение на самоубийство (статья 1473);

2) в случаях неосторожного причинения смерти: подготовка для продажи или продажа съестных припасов или напитков, вредных для здоровья или испортившихся, а также выделки посуды из вредных для здоровья материалов (статья 865), нарушение правил, установленных для продажи, хранения или употребления ядовитых веществ (статьи 866–869), неумышленное вызывание повивальной бабкой преждевременных родов (статья 878), продажа мнимоволшебных напитков (статья 933), неумышленное убийство в драке (статья 1465), нанесение с намерением, хотя и без умысла на убийство, побоев или иных насильственных действий (статья 1464), неумышленное повреждение телеграфа (статья 1139);

3) если превышены пределы необходимой обороны, приведшие к смерти нападавшего (статья 1467),

4) если был убит младенец с внешними пороками развития по невежеству (статья 1469),

5) если доказано злоупотребление властью со стороны родителей, опекунов или других лиц, побудившее опекаемое ими лицо к самоубийству (статья 1476),

6) если православным не были приняты меры в отношении лиц, которые находятся под его опекой или наблюдением и стремятся «отступить от православия» (статья 192),

7) в случае прерывания богослужения побоями или другими насильственными действиями в отношении священнослужителей (статья 211),

8) в случаях мужеложества или скотоложества (соответственно статьи 995 и 997),

9) в случае вступления в брак при наличии другого брака (статья 1554) или с несоблюдением степеней родства или свойства, кроме первых двух степеней родства, рассматриваемых как кровосмешение (статья 1559) или вступления в четвертый брак или в брак христианина с нехристианином (статья 1564),

10) когда похищена замужняя женщина с ее согласия (статья 1582),

11) если супругу или супруге были нанесены увечья, раны, тяжкие побои или иные истязания (статья 1583),

12) если родители принуждают детей к вступлению в брак или монашество (статья 1586),

13) в случае прелюбодеяния (статья 1585).

Церковное покаяние могло осуществляться в двух формах.

Первая форма представляла собой открытое церковное покаяние. В статье 17 главы III «Артикулов воинских» церковное покаяние было поставлено на один уровень с денежными штрафами, отсечением пальцев, изгнанием с земли, отсылкой на каторгу.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных церковное покаяние было отнесено к разряду дополнительных наказаний. Согласно статье 58, «к наказаниям как уголовным, так и исправительным присоединяется в некоторых, определенных законами случаях церковное покаяние, по распоряжению духовного начальства осужденных. Определяется также в случаях, именно в законе означенных, и конфискация всех или части принадлежащих осужденным вещей или других имуществ». В связи с этим, с одной стороны, это наказание не подчинялось правилам о совокупности (статья 152 Уложения о наказаниях)²¹, но с другой — при его назначении учитывался срок давности. Так, например, при рассмотрении дела о дворянине Павле Корсини и мещанке Дарье Никифоровой, обвиняемых в незаконном сожителстве, следствием которого было рождение незаконнорожденного ребенка, Сенат согласился с постановлением Санкт-Петербургского окружного суда, вынесенного на основании пункта 2 статьи 771 Устава уголовного суда, согласно которому за давностью обвиняемых «личной ответственности не подвергать, а под личной ответственностью здесь не может быть понимаема другая мера, кроме церковного покаяния»²².

В качестве дополнительного наказания церковное покаяние применялось к одному уголовному наказанию — лишению всех прав состояния и ссылкой на поселение в Сибирь, а также ко всем исправительным наказаниям за исключением временного заключения в крепости²³. Как отмечал Н. С. Суворов, это было «едва ли справедливо в виду того, что в крепость заключались не только политические преступники, но и дуэлянты»²⁴. Правда, 22 апреля 1827 года Государственный совет опубликовал свое

мнение, согласно которому преступник, осужденный на каторжные работы, может нести церковное покаяние по назначению Святейшего Синода.

Вторая форма покаяния состояла в том, что церковное покаяние осуществлялось в монастыре под присмотром церковного начальства. При этом статья 208 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержала ограничение относительно видов и сроков церковного покаяния: «Лица православного исповедания, уклоняющиеся от исповеди и причащения святых Таинств, по нерадению или небрежению, подвергаются церковным наказаниям по усмотрению и распоряжению духовного начальства с наблюдением, чтобы при этом не были надолго отлучаемы должностные от службы, а поселяне от домов и работ своих».

Однако часто духовные суды отправляли для покаяния в монастырь. В 1851 году в монастырях содержалось более 700 таких осужденных²⁵. В результате указом от 11 июля 1851 года Святейший Синод предписал епархиальным архиереям: а) рассмотреть дела, по которым светские люди содержатся в монастырях под епитимьей и, если не будет выявлено каких-либо особых условий, перевести таковых для церковного покаяния по месту жительства под надзором духовников, б) донести о своих распоряжениях Святейшему Синоду, в) выявить раскаявшихся, г) впредь прибегать к покаянию в монастырях только в случаях безуспешности данного наказания на местах или по особому составу преступления.

Видимо, количество светских лиц, содержащихся в монастырях, уменьшалось медленно. По подсчетам Н. С. Суворова, в 1864 году таковых было 266 человек, в 1865 году — 212, в 1866 году — 193 человека²⁶.

В итоге 18 марта 1868 года был издан новый указ Святейшего Синода, согласно которому заключение в монастырь для церковного покаяния могло осуществляться только по статьям 138, 1549, 1585, 1593, 1594 и 1597 Уложения о наказаниях редакции 1866 года. Впредь разрешалось применять в качестве наказания для светских лиц покаяние в монастыре только с высочайшего повеления или по приговору уголовного суда по указанным статьям.

Второй этап взаимодействия церковного и уголовного права начался в 1885 году, когда началась разработка нового Уголовного уложения.

Необходимо отметить, что среди специалистов в области уголовного права не было единства относительно существа религиозных преступлений. Во многом это объяснялось тем, что историческая школа права, господствовавшая в первой половине XIX века, постепенно стала вытесняться социологическим направлением в юриспруденции, согласно которому право необходимо было рассматривать только вместе с другими социальными явлениями, в том числе государством, церковью и т. д. Тон здесь задавали немецкие юристы, которые разделились по этому вопросу на две группы. Первую — представлял всемирно известный профессор Берлинского университета Франц фон Лист (1851–1919), один из основателей Международного союза уголовного права, созданного в 1888 году²⁷. Он считал, что «...задача государства должна ограничиться защитой свободы религиозного убеждения от противоправного посягательства третьих лиц. Поэтому ядром религиозных преступлений является нарушение церковной службы»²⁸. Таким образом, государство должно было защищать религиозные интересы для

охраны общественного порядка и спокойствия.

Представители второй группы (Г. Гуго, Г. Майер, И. Колер) смотрели на существо религиозных преступлений гораздо шире — как на посягательство на основы государственной жизни. В частности, немецкий юрист Иосиф Колер (1849–1919) писал: «Ход нашего культурного развития привел к тому, что отдельные религиозные общества охватывают большую часть всего населения и даже большую часть всего человечества за пределами единичного государства. При таких условиях совершенное устранение государственного вмешательства не соответствовало бы требованиям жизни. Государство ... должно принять какие-либо меры, чтобы такие чрезмерно могущественные религиозные институты не ослабили его силы и самостоятельности. Под влиянием этих соображений были приняты в качестве корректива следующие две меры. Во-первых, некоторые религиозные общества были превращены в общества публично-правовые... Второй мерой являются известные ограничительные вмешательства законодательства в отношении церкви, выражающиеся, например, в том, что ... государству принадлежит право утверждения или неутверждения в деле выборов представителей церкви»²⁹.

Русские специалисты при разработке нового Уголовного уложения, естественно, стали придерживаться второй позиции. Однако призывали к ее корректировке. Так, еще в 1881 году на заседании уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества известный российский адвокат В. Д. Спасович предлагал исключить из числа религиозных преступлений лжеприсягу как преступление против судебной власти, святотатство, ограбление и разрывание могил как общие преступления, а не

преступления против веры, богохульство и кощунство в том виде, в котором они закреплены в российском законодательстве. При этом он предлагал сохранить как религиозные преступления оскорбление святыни и нарушение церковного благочиния³⁰.

Как отмечал один из главных составителей Уложения 1903 года Н. С. Таганцев, основными отличительными чертами нового Уложения являлись: «**I.** Отрешение от старого канонического взгляда на существо религиозных преступлений и признание за ними, прежде всего, нарушений общественного характера. **II.** Удаление из числа преступлений этой группы деяний, не затрагивающих непосредственно самой религии (лжеприсяги..., святотатства, повреждения предметов как освященных употреблением при богослужении, так даже и почитаемых священными, так как нет надругательства над святыней, случаи отклонения от исполнения церковных постановлений)»³¹. Таким образом, уголовное право освобождалось от непосредственного церковного влияния и, наоборот, навязывало ему юридические конструкции.

При составлении Уголовного уложения 1903 года система религиозных преступлений была значительно изменена. К группе преступных деяний были отнесены: 1) надругательство и осмеяние Церкви, религиозных верований, возложение хулы на Бога; 2) нарушение требований о погребении христиан с соблюдением церковного обряда; 3) нарушение уважения к усопшим; 4) нарушение свободы отправления веры, выражающееся в принуждении к выполнению какого-либо религиозного действия или в воспрепятствованию такового; 5) совращение; 6) проповедь некоторых лжеучений; 7) принадлежность к верованиям, признаваемым нетерпимыми в

государстве; 8) нарушение некоторых особых постановлений нашего закона в ограждении православной веры от отвлечения православных в другие вероисповедания.

Однако часть современников считала, что Уголовное уложение 1903 года сохранило многие черты прежнего законодательства. Так, С. В. Познышев писал: «Оба наши Уложения — и старое, и новое — в общем стоят на точке зрения ... полицейского типа охраны религии». Затем он сравнил структуру Уложений и пришел к выводу, что «...религиозными преступлениями... начинается особенная часть Уложений, а непосредственно за ними помещены преступления государственные (новое Уголовное уложение отводит им вторую главу, старое Уложение — второй раздел)»³². С. В. Познышев критиковал Н. С. Таганцева как одного из главных составителей Уложения 1903 года за то, что он считал объектом религиозных преступлений Церковь, подчеркивая, что на самом деле — это религиозная свобода³³. Подобной точки зрения придерживался и М. А. Рейснер³⁴.

Издание 17 апреля 1905 года указа Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости» показало необходимость пересмотра исходных позиций Уголовного уложения 1903 года по религиозным вопросам. Таким образом, из уголовного права должны были исчезнуть последние элементы церковного права.

Министерству юстиции была поручена подготовка введения в действие главы II Уголовного уложения 1903 года, согласование его устаревших статей с указом 17 апреля 1905 года, а также принятие мер к облегчению участи тех осужденных, наказание которых должно было быть смягчено или совсем отменено.

25 июня 1905 года появился указ «Об облегчении участи лиц, осужденных за религиозные преступления»³⁵, который отменил многие статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Но, как было отмечено М. Н. Куровым, «оставалась юридическая лазейка, дававшая возможность сохранять в основном силу старого закона»³⁶. Например, в отделении I «Об отвлечении и отступлении от веры» главы II из десяти статей было отменено девять. Но оставшаяся статья по-прежнему защищала преимущества Православной Церкви и давала возможность наказывать за «совращение» в другую веру.

Была подготовлена и глава II Уголовного уложения 1903 года. Восемь статей Уложения (80, 84, 86, 90, 93, 94, 96, 98) были изменены, а две (91 и 92) — отменены³⁷. Но главные дебаты по ней развернулись в Государственном совете, куда из Министерства юстиции были направлены все материалы. Сомнения вызвали три главных вопроса.

Первый — подлежат ли изменению статьи 88 и 89, предусматривающие наказуемость родителей, 1) обязанных по закону воспитывать своих детей в правилах православной веры, за совершение над детьми до 14 лет обрядов нехристианских исповеданий; 2) обязанных воспитывать своих детей в православии, за крещение их и приведение к иным таинствам другого христианского вероисповедания. 57 голосов против 20 решили, что статьи должны остаться без изменений.

Второй — подлежит ли отмене пункт 2 статьи 93 об ответственности духовного лица инославного исповедания за допущение к исповеди заведомо православного или за причащение его. 56 членов Государственного совета против 21 решили сохранить и эту статью.

Третий — о неотложном предоставлении присяжным заседателям права ходатайствовать о смягчении участи подсудимого или об освобождении его наказания. 35 голосов было отдано за это право, 42 — против. Николай II по всем вопросам согласился с мнением большинства³⁸.

В результате 14 марта 1906 года глава II была введена в действие. Но действительного согласования ее статей с указом 17 апреля 1905 года так и не было сделано: канонический элемент отчасти остался. Это объяснялось государственным статусом Русской Православной Церкви. В частности, сохранили свое значение такие статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, как: 206 — о ересь и расколах, 211–218 — о разных насильственных действиях над священнослужителями и оскорблении их во время совершения ими богослужения, 219–233 — о святотатстве, 234–235 — о разрытии могил с целью ограбления и о повреждении могил и памятников, 236–240 — о присяге. Это разрушало логику главы II Уголовного уложения 1903 года, так как, например, оно не содержало статьи о святотатстве как религиозном преступлении. Сохранение в силе данных статей из прежнего Уложения повлекло за собой недоразумения в системе наказаний. Так, за похищение со взломом из церкви священных предметов виновный, в соответствии со статьей 221 Уложения о наказаниях, наказывался каторжными работами на срок от 10 до 12 лет, а оскорбление публично в грубых формах, но не во время общественного богослужения, святых мощей, в соответствии со статьей 73 Уголовного уложения, максимально наказывалось ссылкой на поселение³⁹.

Российское общество раскололось при оценке главы II Уголовного уложения 1903 года. Многие были не удовле-

творены. В частности, С. В. Познышев призывал решить вопрос о религиозных преступлениях кардинальным образом через внесение в Основные законы Российской империи следующих статей: «1) Религиозные верования, их распространение и выражение вовне пользуются полной и равной для всех свободой, караются лишь преступления и проступки, совершенные при пользовании этой свободой; 2) Никто не может под предлогом своих религиозных убеждений отказываться от исполнения обязанностей, возлагаемых на него законами или основанными на них распоряжениями власти»⁴⁰. Этот вопрос затем поднимался в Государственной Думе.

Однако были и те, кто абсолютно приветствовали произошедшие в законодательстве изменения и считали, что на этом реформирование должно остановиться. Например, профессор Н. С. Суворов в рецензии на указанную книгу С. В. Познышева писал: «Книга профессора Познышева написана очень хорошим, ясным, отчетливым языком и обнаруживает значительную эрудицию в ее авторе... Но следует усомниться в том, что выработанная им "система идеальных норм" могла быть предложена "в качестве проекта отечественному законодателю", и что она "отвечает наличным условиям современной русской жизни"»⁴¹. Этой же позиции придерживался профессор Н. Д. Сергеевский⁴².

Говоря о взаимодействии процессуального и церковного права, необходимо отметить, что, начиная с Петра I, церковные суды ведали делами о богохульстве, ереси, расколе, колдовстве, двоеженстве, а также делами о похищении церковного имущества⁴³.

27 марта 1841 года был издан Устав духовных консисторий, а в 1883 году — его второе переработанное издание. По статье 1 данного Устава, духовные кон-

---

систории — это «...присутственное место, через которое под непосредственным начальством епархиального архиерея производится управление и духовный суд в поместном пределе Православной Русской Церкви, именуемом епархией»⁴⁴.

Согласно Уставу духовных консисторий, светские лица подлежали церковному суду по делам:

1) о браках, заключенных незаконно. Большое количество дел поступало о заключении браков до достижения брачного возраста. Например, епископ Тамбовский и Шацкий Феофил в 1801 году представил в Синод свое решение по делу о венчании в селе Бурнаку Борисоглебского уезда малолетнего Прокопия Пестрикова (14,5 лет) с Татьяной Афанасьевой (19 лет). Заключение Феофила было следующим: «... я мнением моим полагая, что хотя означенный отрок Пестриков вступил в брак с помянутой однодворческой дочерью Афанасьевой без достижения правильных к тому лет; но поелику теперь он имеет себе в течение девятнадцатый год и повенчанная с ним невеста невеликое перед ним в летах имеет превосходство, да и на супружеское сожитие взаимное объявили они согласие: то брак их, оставив без расторжения, утвердить законным; но наперед, по причине несовершенства лет отрока при его венчании бывшего, отобрать от них в церкви в подтверждение того согласия по вопросам, в чиноположении венчания поставленных, ответы, и по объявлении ими оногоч прочесть им молитву, в конце того венчания напечатанную и поучение в изданных от Святейшего Правительствующего Синода проповедных для брачившихся положенное»⁴⁵. Интересно, что при этом священников, обвенчавших брачующихся и знавших о недостижении брачного возраста женихом, не наказали, но при

условии дальнейшего их «добраго поведения»⁴⁶;

2) о расторжении и прекращении браков;

3) по случаям, когда нужно удостовериться в действительности заключения брака или о рождении от законного брака.

Статья 1001 Устава уголовного суда предусматривала: «На основании Свода 1857 г., духовному суду подлежат не только такие преступления и проступки, за которые полагается церковное покаяние или отсылка виновных к духовному суду, но и такие, за которые виновные подвергаются разного рода церковным запрещением и наказаниям, присуждаемым собственно на основании церковных правил (лишения приобщения к святым таинствам, лишение общения с церковью и другие). Статьи 95 и 706 того же Устава запрещали свидетельствовать под присягой лицам, отлученным от церкви.

Согласно статьям 84 и 371 Устава гражданского суда, также к свидетельству не допускались лица, отлученные от церкви по приговору церковного суда.

Духовные лица относились к юрисдикции церковных судов по взаимным спорам, возникающим из пользования недвижимой и движимой церковной собственностью, по просьбам о побуждении духовных лиц к исполнению беспорных обязательств и уплате долгов. При этом по статье 203 Устава духовных консисторий это относилось только к тем местностям, в которых не были введены Судебные уставы 1864 года.

Церковным судом первой инстанции в каждой епархии считался суд епископа, опирающегося на старших пресвитеров. На его решения допускались апелляции к областному собору. Если речь шла о жалобе духовенства или паствы на своего епископа, областной собор являлся судом первой инстанции. Процесу предшествовало следствие, которое

проводилось на месте по распоряжению епархиального архиерея духовным следователем. Согласно Уставу духовных консисторий, епархиальный суд окончательно решал следующие дела: 1) о духовных лицах, которые за свои преступления и проступки должны подвергаться дисциплинарным или исправительным наказаниям (ст. 174), 2) о разводе при осуждении одного из супругов к лишению всех прав состояния (ст. 229), 3) о разводах по неизвестному отсутствию супруга крестьян и мещан (ст. 231), а также жен низших чинов, пропавших во время войны без вести или взятых неприятелем в плен (235).

По остальным делам решения епархиальных судов поступали на утверждение Святейшего Синода.

Интересно, что присутствие подсудимых не требовалось за исключением дел о разводе в связи с неспособностью к брачному сожитию или с прелюбодеянием одного из супругов.

Святейший Синод являлся высшей духовно-судебной властью. Он выносил окончательные решения по любым делам, относящимся к церковной юрисдикции, а также по делам членов Синода, архиереев, настоятелей монастырей, по апелляциям и частным жалобам на епархиальные духовные суды, давал окончательные определения по бракоразводным делам, решал вопросы о наложении высшего церковного наказания — отлучения от церкви.

Однако наличие церковных судов вызвало множество проблем. Прежде всего, к ним относилось обоснование наказующей власти Церкви. Как отмечал Н. С. Суворов, ссылаясь на Послание к Ефесеянам (глава IV, 11–13), «Церковь есть установление Божественное, которому вверены различные благодатные средства, в виду указаний для нее Христом Спасителем цели; цель эта — про-

должать совершенное Христом дело искупления; через усвоение Его заслуг каждому верующему, вести человека к возможному на земле нравственному совершенству и воспитывать его для вечности»⁴⁷. Однако данное определение юридическим назвать было невозможно, поэтому М. И. Горчакову пришлось написать целую работу «Научная постановка церковно-судного права»⁴⁸.

Кроме того, практически все исследователи отмечали, что нормы церковно-процессуального права нужно отличать от религиозных правил: «...нравственные законы вообще не имеют внешнего принудительного характера...; они судятся внутренним судом совести, ... нарушение церковного закона... подлежит внешнему церковному суду и сопровождается внешними последствиями, ограничением или лишением церковных прав, вообще изменяет внешнее положение члена в церковном обществе»⁴⁹.

Известный специалист в области церковного права, один из видных представителей обновленческого движения Н. А. Заозерский, высветил еще одну проблему: «... в том и беда, что у нас нет суда церковного, а есть только суд ведомственный, скопированный с административного гражданского процесса очень старого типа... Да, введение только одного канонического процесса в наши церковные управления (консистории и Святейший Синод) было бы большим шагом вперед в улучшении нашей церковной жизни»⁵⁰.

Подведем итог. История уголовного и процессуального права, с одной стороны, и церковного права — с другой, на протяжении многих веков была неразрывна.

Взаимовлияние церковного и уголовного права было сложным: с одной стороны, церковное право долгое время тормозило развитие уголовного права, с другой стороны, развитие институтов

уголовного права расшатывало «наказующую» власть церкви, являющуюся необходимым атрибутом Церкви как государственного учреждения. Однако было и положительное влияние: если церковные преступления и наказания после 1917 года в связи с отделением церкви от государства исчезли, то такие принципы, как наличие вины в качестве признака преступления, допущение раскаяния преступника, утверждение различных целей наказания, а не только

устрашения, послужили исходной позицией для дальнейшего развития уголовного права.

Даже при статусе православия как «первенствующей и господствующей» религии в Российской империи церковные суды имели двойственное положение: с одной стороны, это был суд духовного сословия, но с оговорками, с другой стороны — он распространял свою компетенцию и на светское население, запутывая систему судоустройства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Гаранова Е. П.* Церковное право в правовой системе российского общества (общетеоретический и исторический аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 25.

² См., напр.: *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 6.

³ *Красножен М. Е.* Краткий очерк церковного права. Юрьев, 1900. С. 114–115.

⁴ Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 3.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX. Отделение I. С. 628–644.

⁶ *Познышев С. В.* Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М., 1906. С. 286.

⁷ *Сергеевский Н. Д.* К учению о преступлениях религиозных // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 4. С. 14–15.

⁸ В работе «Учение о наказании. Лекции, читанные ординарным профессором Санкт-Петербургского университета И. Я. Фойницким в первом полугодии 1886 г.» (СПб., 1886) церковные наказания только один раз упоминаются (с. 60), но о них ничего не говорится; в труде «А. Ф. Кистяковский как криминалист» (Киев, 1895) И. Я. Фойницкий ни слова не сказал о работах покойного по проблеме религиозных преступлений.

⁹ *Белогриц-Котляревский Л. С.* Преступления против религии. Ответ И. Я. Фойницкому. Ярославль, 1887. С. 3

¹⁰ *Чернявский А.* Религиозные преступления (из лекций Н. С. Таганцева). СПб., 1905. С. 2.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² *Кистяковский А. Ф.* О преступлениях против веры // Наблюдатель. 1882, октябрь. С. 102.

¹³ Там же. С. 103.

¹⁴ *Познышев С. В.* Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 107.

¹⁵ Послание к Ефесеянам. IV. 11–13.

¹⁶ *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 27.

¹⁷ *Красножен М. Е.* Указ. изд. С. 116.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 84. Д. 5. Л. 7–8 об.

¹⁹ Духовный регламент // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6. С. 326.

²⁰ *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 119.

²¹ *Таганцев Н. С.* Уложение о наказаниях с разъяснением по решению кассационного департамента Сената. СПб., 1873. Тезис 560.

²² Цит. по: *Суворов Н. С.* Указ. изд. С. 195.

-
- ²³ Таганцев Н. С. Указ. изд. Тезис 560.
- ²⁴ Суворов Н. С. Указ. изд. С. 197.
- ²⁵ Там же. С. 202.
- ²⁶ Там же. С. 203.
- ²⁷ Пржевальский В. В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступления и наказания. СПб., 1895. С. 4.
- ²⁸ Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть / Пер. с нем. Ф. Ельяшевича. М., 1905. С. 106.
- ²⁹ Колер И. Введение в науку права (краткий курс правоведения) / Пер. с нем. В. А. Гольденберга. СПб., 1903. С. 146–147.
- ³⁰ Протоколы уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества за 1881 г. // Журнал гражданского и уголовного права. 1882, май. С. 9–11.
- ³¹ Чернявский А. Религиозные преступления (из лекций Н. С. Таганцева). СПб., 1905. С. 8.
- ³² Познышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М., 1906. С. 222–223.
- ³³ Там же. С. 143.
- ³⁴ Рейснер М. А. Право свободного исповедания // Вестник права. Журнал юридического общества Санкт-Петербургского университета. 1899, ноябрь. С. 89.
- ³⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1905. 2 июля. № 117. Отдел 1. Ст. 1035.
- ³⁶ Куров М. Н. Революция 1905–1907 гг. и кризис политики царизма в религиозном вопросе // Вопросы научного атеизма. Вып. 19. М., 1976. С. 179.
- ³⁷ Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X–XX вв. М., 1994. Т. 9. С. 265.
- ³⁸ Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1905–1906 гг. СПб., 1906. С. 31–35.
- ³⁹ См.: Познышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М., 1906. С. 229, 247–248.
- ⁴⁰ Там же. С. 296.
- ⁴¹ Суворов Н. С. К вопросу о религиозных преступлениях (разбор сочинения С. В. Познышева «Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы»). М., 1908. С. 14.
- ⁴² Сергеевский Н. Д. К учению о преступлениях религиозных // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 4. С. 22.
- ⁴³ См.: Красножен М. Е. Указ. изд. С. 115.
- ⁴⁴ Устав духовных консисторий. СПб., 1903. С. 1.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Л. 1 об.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Л. 2.
- ⁴⁷ Суворов Н. С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 2.
- ⁴⁸ Сборник государственных знаний. Т. II. С. 233–234.
- ⁴⁹ Остроумов М. А. Введение в православное церковное право. Харьков, 1893. Т. 1. С. 25. См. также: Соколов Н. К. Из лекций по церковному праву. М., 1984. С. 16–17; Иоанн, архимандрит. Опыт курса церковного законоведения. СПб., 1851. Т. 1. С. 8–9.
- ⁵⁰ Заозерский Н. А. Церковь и Государство. Сергиев Посад, 1911. С. 26.

A. Dorskaya

INTERACTION OF CRIMINAL AND PROCESS LAW OF THE RUSSIAN EMPIRE WITH THE CHURCH LAW

The problem of the interaction of criminal and process law of the Russian Empire with the church law is considered in the context of re-emergence of church courts in the contemporary Russia.